

© 1999 г.

Е.А. БОНДАРЕНКО

РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

БОНДАРЕНКО Елена Алексеевна - аспирант кафедры социологии Казанского государственного университета.

Татарстан - многоэтническое государственное образование, где живут представители 107 народов. Тем не менее иногда говорят о бинациональном населении республики, имея в виду то обстоятельство, что его основную массу (свыше 90%) составляют татары (50%) и русские (чуть больше 40%) [1, с. 5]. На третьем месте по численности - чуваша (3,7%). Заметно представлены украинцы (0,9%), мордва (0,8%), удмурты (0,7%), башкиры и марийцы (по 0,5%). Всего в Татарстане проживает 3743,6 тысяч человек.

Республика является одним из уникальных регионов страны в силу многовекового этнокультурного общения на этой территории двух крупнейших этносов - татар и русских. Примечателен тот факт, что только в Поволжье "существовали смешанные (многонациональные) крестьянские общины. Показательно, что никогда коренные народы Татарстана не воевали между собой" [2, с. 5]. Следует отметить, что в отличие от государств Балтии, Средней Азии или Закавказья местное население не служит продуктом механической миграции этногрупп. Это создает более прочную основу для стабильности и взаимопонимания в республике по сравнению с указанными регионами. Историческое прошлое, традиции взаимодействия статистически равных наций - татар и русских, несомненно, оказали влияние на содержание и характер нынешних отношений. В этом - одна из причин относительно благополучной этнической ситуации в РТ.

Говорить же о полном благополучии в данной сфере общественного бытия не приходится потому, что несмотря на приведенные выше условия, положительно сказывающиеся на межэтнических отношениях, в регионе существуют организации и отдельные личности, деятельность которых способствует разжиганию националистических поползновений. Так, председатель Татарской партии национальной независимости Ф. Байрамова, определяя ее цели, подчеркнула: "Мы стоим за государственность именно татарского народа, а не народа Татарстана... я категорически против межнациональных браков" [3, с. 94]. Немаловажную роль в развитии этнических потребностей и интересов сыграла национальная интеллигенция. Начав с реабилитации имен деятелей культуры, извлечения из небытия их биографий и трудов, она сумела поселить в душах людей "чувство украденной судьбы" (Ф. Искандер). Татарский публицист Ф. Балтач заявляет: "Ни один цивилизованный народ не был так унижен, оскорблен и уничтожен другим народом-завоевателем, как татарский народ" [там же, с. 90].

Психология "избранной общей травмы", ведущей свое начало от некоего события (в данном случае - взятия Иваном Грозным Казани в середине XVI в.), широко культивируется националистами. Они выдвигают ее на авансцену общественного внимания и, подогревая этнические конфликты, делают эмоциональное восприятие дале-

кого прошлого столь же важным, как и сегодняшние проблемы реальной действительности [4, с. 41]. Татарские национал-радикальные движения, ежегодно 15 октября торжественно скорбящие по поводу падения Казани, оставляют вне поля зрения, что военная акция почти полутысячелетней давности не носила характера национального столкновения. "То, что в штурме принимали участие татарские феодалы, то, что многие другие уже после покорения Казани перешли на службу к русскому царю..., сохранив сословные привилегии, опровергает однозначную трактовку событий 1552 года" [2, с. 118]. Политическая подсветка исторических страниц ориентирована на упрощение материала минувшей эпохи, его адаптацию для массового усвоения. К тому же политики, превращающие историю в инструмент борьбы, склонны извлекать из нее только нужные для своей аргументации отдельные факты. Высказывания же о 440 годах "колониального подчинения" формируют "мотив жертвы" в общественном сознании, логическим следствием которого становится упрек в адрес соседнего этноса. Словом, вызванное субъективными предпосылками этническое возрождение, первоначально несущее в себе созидательные цели, под влиянием определенных факторов может привести к обострению этносоциальной обстановки. Эти и другие соображения не позволяют вести речь об отсутствии у нас сложностей в межэтническом взаимодействии.

Вместе с тем пик подъема радикальной национальной волны, приходившийся на 1990-1993 гг., сейчас миновал. Остались в прошлом митинги татарских национал-экстремистов, события февраля 1992 г., когда Всетатарский народный курултай провозгласил создание собственной законодательной и исполнительной структур (Милли меджлиса и Назирията), претендовавших на миссию вершителей судеб татарского народа во всем мире и намеревавшихся встать над парламентом и правительством РТ. Сегодня довольно активна деятельность Татарского общественного центра (учредительный съезд состоялся 17-18 февраля 1989 г.), часть лидеров которого вовлечена в работу правительственных органов.

К факторам локального порядка, связанных с межэтническими отношениями в Татарстане, можно отнести то, что большая часть татарского этноса (75%) проживает вне республики. Вместо того, чтобы считаться с этим обстоятельством и перейти от оперирования категорией "коренная нация" к более, на наш взгляд, правильному понятию "коренное население" (включающему всех, для кого регион не просто место жительства, а давно уже родина), местные националисты пытаются увлечь татарский этнос идеями мессианизма, богоизбранности во имя объединения всех татар, рассеянных по миру.

Предпосылками этнического возрождения, характерными как для всего бывшего Союза, так и для рассматриваемого региона, стали несколько типов конфликтных узлов противоречий.

В этом ряду назовем, во-первых, *социально-экономические противоречия*, породившие требования выравнивания сложившегося или предполагаемого неравенства, перераспределения средств и ресурсов.

Английский советолог Р. Герц еще до начала перестройки писал в этой связи: "Республики, у которых большие запасы нефти, извлекают очень мало благ из этого. Контраст между их ситуацией и ситуацией, существующей в развитых странах, где наблюдается огромный подъем национального дохода благодаря нефти, поразителен. Нерусские лидеры и народы все более осознают это явление" [5, с. 7]. Действительно, согласно опубликованным в 1989 г. данным социологического опроса, 62% башкир, 46% литовцев, 42% татар высказались против того, что их республикам приходится больше отдавать продукции другим регионам, чем получать от них [там же, с. 42].

С принятием 30 августа 1990 г. "Декларации о государственном суверенитете Татарской АССР" ситуация стала меняться. Если к тому времени Татарстан контролировал лишь 2% собственности на своей территории, то в 1993 г. - 90%. За 9 месяцев того же года в федеральную казну вообще не было перечислено ни рубля, вся собранная сумма направлена в местный бюджет. По результатам проведенного в 1994 г.

исследования, 64% жителей Татарстана (сюда вошло и более 1/3 русских) поддерживали идею передачи местным властям "распоряжения ресурсами" [1, с. 87].

К числу факторов, влияющих на формирование неблагоприятных "фоновых ожиданий" в межэтническом общении, правомерно отнести особенности, связанные со спецификой развития Татарстана. Например, в его пределах сложилась тенденция расселения, в силу которой представители татарского этноса явно преобладают над русскими (в 2,8 раза) на селе и в малых городах. Понятно, это оказало влияние на социальную структуру населения, в частности, на то, что среди татар доля занятых малоквалифицированным трудом чрезвычайно высока. Со временем эта диспропорция, обусловленная расселением этносов и неразвитостью механизированности труда в сельском хозяйстве, начала восприниматься как несправедливость, что чревато социальной напряженностью.

Стремясь увеличить доступ к материальным благам и возможностям для реализации своих способностей, многие переезжают в город. За годы Советской власти численность горожан выросла в 6,5 раза и составляет теперь 73,5% всех живущих в Татарстане, отчего регион стал урбанизированнее, чем страна в целом. Столь быстрые темпы урбанизации привели к тому, что нынешнее население наших городов в своем подавляющем большинстве - это в лучшем случае городские жители второго поколения с соответствующим своему положению маргинальным складом психики и культуры. Состояние маргинальности создает предпосылки для ощущения дискомфорта, повышенной возбудимости, склонности к конфликтам, что, разумеется, влияет на этносоциальную атмосферу.

Продолжая разговор о конфликтных узлах, укажем, во-вторых, на *культурно-языковые противоречия*, связанные с защитой и развитием функций родного языка, культуры этносов.

Истоки этих проблем заложены в попытке политизации и унификации языковой жизни. Так, после Октябрьской революции по распоряжению Центрального комитета нового алфавита татары, как и другие народы, пользовавшиеся сложной арабской графикой, перешли сначала на латиницу, а затем кириллицу. И хотя одни считают это событие искусственным прерыванием национально-культурного процесса, другие - приобщением к достижениям мировой цивилизации посредством освоения русского, тут есть объективная почва для тревоги. "Несмотря на то, что во время последней переписи населения 96,6% татар назвали родным язык своей национальности, владеющих им в качестве родного или второго языка оказалось только 48,3%" [2, с. 12].

Пусть татарский язык и входит в число 14 цивилизованных языков мира, в фондах библиотек до сих пор издания на нем составляют около 4-6%. Большинство из них - художественная литература и труды по гуманитарным наукам. Хуже обстоит дело с выпуском литературы по естественно-техническим дисциплинам на татарском языке. "Если даже в трудные довоенные годы в республике было выпущено 893 наименования книг по естествознанию и технике тиражом 6,651 тыс. экземпляров, то в 1941-1980 гг. ... лишь 494 общим объемом 2,329 тыс. экземпляров" [там же, с. 106]. Не в этом ли кроется причина меньшего стремления татарской молодежи - особенно сельской, окончившей национальную школу, - в технические вузы?

К концу 80-х гг. на татарском языке обучалось всего 12% учащихся татар республики, причем в городах не более 1,5%. В г. Набережные Челны до 40% детей татарской национальности не знали татарского языка совсем или знали очень плохо [6, с. 106]. Некоторые исследователи говорят о происходящей переориентации национально-культурных интересов татар-горожан в сторону инонациональной среды (в селах еще сохраняется ориентированность на национальную культуру).

И, наконец, в-третьих, отметим *территориально-статусные противоречия* (до распада СССР), вылившиеся в борьбу за повышение статуса Татарстана.

На смену неудавшейся попытке получить союзнореспубликанский статус пришло провозглашение девять лет назад суверенитета на основании "неотъемлемого права татарской нации, всего народа республики на самоопределение". А спустя два года

были приняты законы РТ о двойном гражданстве, о двух государственных языках. Татарстан, как и Чеченская республика, не подписал Федеративный договор и поэтому потребовался особый юридический подход, каковым стало заключение Договоров с другими субъектами Федерации и странами СНГ.

Как сами татарстанцы относятся к обретенному суверенитету? Социологическое исследование 1994 г. засвидетельствовало, что ради суверенного, независимого существования своей малой родины 30% татар изъявили готовность пойти на какие-либо жертвы, 21% согласился бы на ее выход из РФ и 1% в случае необходимости принял бы участие в военных действиях [1, с. 89]. В 1995 г. значимость реальной суверенности по-прежнему оценивалась титульным этносом высоко: свыше 80% экспертов из татарской среды (политической, художественно-творческой элит и почти столько же рабочих) заявили, что в распоряжении земель и природными ресурсами последнее слово должно оставаться за республиками [там же, с. 369].

В плане изучения этнических процессов наш регион выделяется особо: самые первые исследования по этой теме были проведены именно в Татарии в 1967-1968 гг. С той поры систематически осмысливаются основные параметры контактирующих этносов: уровень социально-экономического развития (включая социальную структуру), культурное развитие (функциональная нагрузка языков, распространение двуязычия), установки на межэтническое общение. Обобщенные исследовательские выводы во многом получили отражение в книге "Социальное и национальное" [7].

В целом межнациональные отношения жители Татарстана относят к стабильным - спокойным и благоприятным [6, с. 40], причем татары настроены оптимистичнее, нежели русские: даже в период подъема национального движения - летом 1992 г. - 3/4 татар (против половины русских) полагали, что обострения отношений не будет или они улучшатся [8, с. 47].

Любопытны различия в приоритетах социальных проблем: татарам наиболее актуальным видится представительство своих этнических интересов на уровне властных органов (20%), реализация же прав человека, свободы слова, печати волнует 8% лиц титульной национальности. Русскими эти ценности воспринимаются одинаково значимо (по 13% указали на важность каждой из них) [1, с. 90]. По мнению экспертов проблема обеспечения интересов своего народа в структурах власти татарской творческой интеллигенцией осознавалась достаточно остро. Ее считали первостепенной 56% респондентов в этой группе, притом, что материальный достаток, безопасность личности, отсутствие безработицы оценивались в 36-40%. Политическая самостоятельность республики тоже преимущественно заботила элиту. Рабочие же значительно реже проявляли обеспокоенность этим. Право выхода из состава Федерации за республикой сочли важным сохранить лишь около 20% татар-рабочих. Поэтому о массовых настроениях, исходя из позиций только элитных групп, судить нельзя [там же, с. 369]. Татарстану свойственно, что в любое межэтническое противоречие вовлечена, как правило, весьма незначительная когорта той или иной национальной группировки, обычно ее верхушка, самодеятельно выражающая "национальные устремления".

Помимо раскрытия роли местных элит важно изучать конфликтные ситуации, способствующие росту этнического самосознания. Отдельные специалисты убеждены даже, что этническая идентичность лучше всего проявляется в ходе социального конфликта и поддерживается им. На взгляд датского исследователя Л. Денцика, люди вступают в конфликты не потому, что они "этничны", но оттого, что воспринимаются другими и воспринимают себя как участники столкновений, и это заставляет их стать "этничными". Сей процесс называют "этнизацией". Однажды сформированные таким образом национальные идентичности поддерживаются и усиливаются благодаря развертыванию конфликтов. Когда этнические и неэтнические категории определяют оси явного противостояния в обществе, поляризованность, основанная на первых из них, получает примат. Этническое родство кристаллизуется как мобилизующее ядро поляризации. Еще Г. Зиммель писал о том, что враги подчеркивают границы группы и мобилизуют ее членов, заставляя их осознавать свое национальное единство.

Для предотвращения возможного дисбаланса в межнациональном общении необходима продуманная государственная политика, поддерживающая этническое возрождение, но не позволяющая превратить его в расширение напряженных зон общественной жизнедеятельности. Татарстан в этом смысле мог бы явиться примером решения проблемы - суверенитет в республике был объявлен не от имени коренного этноса, а от имени всех проживающих здесь граждан, процесс деполитизации общественных отношений получил свое конкретное выражение в создании этнокультурных объединений, учредивших Ассоциацию культурно-национальных обществ (АНКО), закон о двуязычии направлен на соблюдение прав обоих статистически равных этносов.

Все это так. Однако, тем не менее, сегодня кое в чем и очень важно ощущается необходимость введения мер гарантированной правовой защиты русскоязычного населения республики. В противном случае скоро мы можем стать свидетелями углубления процесса, который уже сейчас называют "постепенным вымыванием русской гуманитарной интеллигенции". Так, в настоящее время в Союзе писателей Татарстана из 230 членов всего два русских писателя, что совершенно не соответствует доле представляемого ими народа в республиканском населении. В 1992 г. были ликвидированы редакции, осуществлявшие подготовку книг на русском языке в Таткнигоиздат - единственном государственном издательстве художественной и научно-популярной литературы. Сейчас планируется не более 4% таких изданий от общего объема выпуска. Подобная тенденция наблюдается и в системе образования (начальная школа с русским преподаванием совершенствованию русского языка вместе с чтением отводит всего до четырех часов в неделю), и в средствах массовой информации (70% передач Телерадиокомпании "Татарстан" ведутся на татарском языке, а 30% - на русском, но и в этих последних практически нет места освещению русской культуры и проблем русских) [9, с. 23-24].

Надо ли доказывать, что эти негативные факты входят в противоречие с Конституцией РТ, принятой в ноябре 1992 г., которая призвана обеспечивать интересы соотечественников, независимо от национальности, языка, политических взглядов, религиозных убеждений и иных обстоятельств.

Многовековое взаимодействие русского и татарского этносов, общность исторической судьбы привели к тому, что в Татарстане почти 50% русских обладают двойной гражданской идентичностью, т.е. осознают себя в равной степени гражданами республики и России [1, с. 378]. На этом фоне даже единичные националистические призывы типа "Уезжайте домой, в Россию" кажутся совсем нелепыми. В республике неизменно удается избежать межэтнических конфликтов. Надеемся, эта благоносная традиция сохранится и в будущем. Ведь стремление к достижениям современной цивилизации невозможно вне плодотворного этносоциального климата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: *Дробижеева Л.М., Аклаев Р.М., Коротеева В.В., Солдатом Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996.
2. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Татарстан. Казань: ИЯЛИ АН РТ. 1993.
3. Цит. по: *Михайлов В.А.* Субъективные основы национального движения. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 1993.
4. См.: *Волкан В., Оболонский А.* Национальные проблемы глазами психоаналитика с политическими комментариями //ОНС. М.: Наука, 1992. № 6.
5. Цит. по: Социологические аспекты национальных отношений. М.: Ин-т социологии АН СССР, 1989.
6. Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М. ИЭА РАН. 1994.
7. Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР М.: Наука. 1973.
8. *Мухаметшин Ф.Х., Лозовой А.П., Бакиров И.Б. и др.* Татарстан на перекрестке мнений: проблемы, тенденции, перспективы. Казань: Изд-во ВС РТ. 1993.
9. *Салагаев А.Л.* Русские в Республике Татарстан: проблемы социокультурного развития // Дело. 1996. № 2.